

УДК 316.74:001

ИССЛЕДОВАНИЕ ПИСЕМ КАК ЗНАНИЕВЫХ АГРЕГАТОВ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Голиков Александр Сергеевич – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина

Статья посвящена анализу возможностей социологического исследования писем как специфических текстов. Автор, основываясь на собственной концепции в области социологии знания, описывает основные эпистемологические, методологические и процедурные возможности и ограничения, которые открываются перед социологами при анализе писем как знаниевых агрегатов. В частности, применяя результаты собственного исследования, автор демонстрирует, каким образом письма могут быть проанализированы с точки зрения социологии знания как агрегат, сконструированный из суждений, входящих в особые универсумы или особый универсум. Автор приходит к выводу, что письма могут исследоваться не только как источник социологической информации о том, что в них отображается, но и как собственно агрегированный набор знаниевых суждений.

Ключевые слова: социология знания, письма, методология социологического исследования, знание, знаниевый агрегат, универсум смыслов, суждение.

Стаття присвячена аналізу можливостей соціологічного дослідження листів як специфічних текстів. Автор, засновуючись на власній концепції в області соціології знання, описує основні епістемологічні, методологічні та процедурні можливості та обмеження, що відкриваються перед соціологами при аналізі листів як знанневих агрегатів. Зокрема, використовуючи результати власного дослідження, автор демонструє, яким чином листи можуть бути проаналізовані з точки зору соціології знання як агрегат, сконструйований із суджень, що входять до особливих універсумів або до особливого універсуму. Автор приходиться до висновку, що листи можуть досліджуватися не лише як джерело соціологічної інформації про те, що в них відображується, але і як власне агрегований набір знанневих суджень.

Ключові слова: соціологія знання, листи, методологія соціологічного дослідження, знання, знанневий агрегат, універсум сенсів, судження.

The article is devoted to the analysis of the possibilities of sociological research of letters as specific texts. The author, basing on his own conception in the field of the sociology of knowledge, describes the main epistemological, methodological and procedural possibilities and limitations that sociologists meet in analyzing letters as knowledge aggregates. In particular, using the results of his own research, the author demonstrates how letters can be analyzed from the point of view of the sociology of knowledge as an aggregate constructed from judgments, which are the parts of specific universes or a particular universe. The author comes to the conclusion that letters can be investigated not only as a source of sociological information ("what is displayed in them"), but also as an actual aggregated set of knowledge judgments.

Keywords: sociology of knowledge, letters, methodology of sociological research, knowledge, knowledge aggregate, universe of meanings, judgment.

Социологическое исследование общества и социального в конце XX века остановилось на сумме некоторых мало обсуждаемых аксиом и следующих из них теорем. В частности, общество предполагается как некоторая системность (если речь идёт о структурно-функционалистском, неопозитивистском или системном взгляде) или как сеть межиндивидуальных взаимодействий. Общественный порядок при этом рассматривался как самоочевидный способ и образ организации таким образом понятого общества. «Общество», «социальное», «порядок» – все эти категории превратились в служебные слова, которые нужны были для «связывания» социологического текста, не осмысливаясь как проблематичные или сомнительные.

В то же время продолжающийся «распад» традиционного общества и традиционных способов организации социального, продолжающаяся интервенция позднемодерных и постмодерных порядков социального, интенсифицированная глобализацией, унификацией, постсекулярной эпохой, «крушением метанарративов» привели к тому, что сугубо по онтологическим, а не методологическим или эпистемологическим, причинам проблематизированными оказались вышеперечисленные (и не только они) категории и понятия. Социологи столкнулись с неочевидностью социального, с его технологическим или политически обоснованным «смешением» с политическим, экономическим, техническим (примером последнего может быть зачастую некритичная рецепция акторно-сетевой теории и «социологии вещей») [1; 2].

С другой же стороны, социология конца XX и начала XXI веков оказалась перед рядом чисто процедурных и методических вызовов, которые, в частности, существенно влияют на возможности социологов изучать общество традиционными для социологии приёмами и способами. Так, социологи стабильно фиксируют постепенное снижение response rate [3], повышение труднодоступности респондентов, становление целого ряда групп, которые крайне плохо охватываются стандартными техниками социологического интервьюирования и/или анкетирования. Как можно с лёгкостью понять, распространение методов интернет-опроса, в котором многие социологи (см., в частности, [4; 5]) видят панацею, сталкивается с классической социологической шуткой¹ в далеко не шуточном варианте. И это наименьшее из зол, с которым сталкивается социолог: в своё время мы уже приступали к доказательству того, что социальное, конституированное и институированное интернет-практиками и в интернет-пространстве, специфично по отношению к социальному, индифферентному или не окрашенному интернет-практиками [6].

В то же время у социологии сохраняются колоссальные не использованные ею опции по исследованию общества, его ткани, свойств социального, процессов его трансформации и, самое главное для нас, – знаниевых оснований этих феноменов и процессов. В частности, провозвестником таких опций и его использования мы считаем исследование идеологических оснований [7; 8; 9] и мифологических контейнеризаций массовой культуры [10; 11], исследование специфичных докс различных социальных групп [12] и феноменологических насыщенностей различных жизненных миров [13]. Однако все эти исследования осуществляются, во-первых, несистемно; во-вторых, зачастую без использования возможностей социологии знания (при остающихся в списке «самоочевидных» или осмысливаемых сугубо ритуально собственно категорий мифа, религии, идеологии и т.п.); в-третьих, оставляющими знаниевую проблематику на периферии, а в центр ставящими такие неоднозначные для социологии понятия, как «влияние», «воздействие», «суггестия», «эффект», «проявление» и т.п. Кроме того, за рамками и пределами этих исследований остаются знаниевые агрегаты, которые доселе в социологии выполняли и выполняют сугубо источниковую, служебную функцию. Так, общеизвестным является исследование писем польских крестьян [14], однако столь же общеизвестно, что при этом собственно объектом исследования были не сами эти письма, а репрезентированные в их текстах (переводя на современный социологический язык) повседневности, практики, правила, институции, акты восприятия. Тогда как на самом деле в социологии происходит возрождение интереса к тем же письмам [15; 16], пусть пока что ещё и не в знаниевой методологии.

Именно поэтому *целью* данной публикации является выявление возможностей исследования знаниевых агрегатов, конгломератов и универсумов на примере такого знаниевого агрегата, как письмо.

Социология знания в течение последних пятидесяти лет своего существования с подачи прежде всего П. Бергера и Т. Лукмана [17] сосредоточилась на исследовании повседневных акторов и рутинизированных ими очевидностей (доксичностей). Это исследование часто реализуется в сочетании с фрейм-аналитическими (как это делает, например, В. Вахштайн [18]), постструктуралистскими или даже постмодернистскими приёмами (примером чего является К. Кнорр-Цетина [2]).

При этом зачастую упускается из внимания тот факт, что помимо инкорпорированного знания, то есть знания, которым располагает актор, общество пропитано знаниевыми агрегатами (и колоссальными знаниевыми универсумами, так или иначе конституирующими чистые или гибридные знаниевые конгломераты). Эти агрегаты и конгломераты, эксплицируя существование вышеупомянутых универсумов, при этом крайне редко исследуются как сугубо знаниевый конструкт. Они исследуются как культурные продукты, как медиаартефакты, как способы и результаты коммуникации, однако крайне редко как определённым образом сложенный композит эксплицитных и имплицитных суждений.

А ведь именно эти знаниевые конгломераты (как специфичные композиции из отдельных суждений и категорий) и являются тем, что делает общество обществом, то есть фабрикует возможность совместного действия, не нуждающегося в дополнительной экспликации и аргументации. Именно знаниевые агрегаты, упакованные в самоочевидные и не нуждающиеся в дополнительной аргументации и самоописании², производят огромную «работу» по нерелексивному производству шанса на коммуникацию и на совместное действие для малых (часто неанонимных) и больших сообществ, и именно знаниевые конгломераты осуществляют эту же задачу для больших (всегда анонимных) сообществ.

Так, знаниевым агрегатом может быть цитата, которая несёт не только собственную вербальную

¹ Исходя из презумпции ознакомленности читателя с этой шуткой, позволим себе её, тем не менее, привести: «100% респондентов пользуются интернетом, согласно результатам онлайн-опроса».

² Кроме собственно метакоммуникативных средств описания: ведь никто не объясняет получателю, что такое письмо, каковы правила его считывания, какие институты и практики интегрированы с письмом как со знаниевым агрегатом и как с вещью и какие санкции связаны с ним (ср. с поведением по-разному интерпретирующих значимость письма как знаниевого агрегата героев фильма «Служебный роман» Ю.П. Самохвалова и А.Е. Новосельцева).

нагрузку, но и «метакоммуникативную» нагрузку, а также вещно-материальное, жестовое или практическое оснащение (equipment) [19], и которая производит работу по «отбору», селекции и консистентизации «своих» и «чужих». Знаниевым агрегатом может быть письмо как специфичным образом упакованные суждения и категории, а также как суждения и категории, метакоммуникативно описывающие упакованные в данный знаниевый агрегат суждения и категории.

При этом в центре внимания социолога оказываются не только традиционно рассматриваемые социологами (кон)тексты вроде описываемых в письмах практик, воспроизводимых их текстами стереотипов, но и такие столь же традиционно выпадавшие из рассмотрения социологов тематики, как:

- практики и техники фреймирования письма как письма (то есть как специфичного знаниевого агрегата), воспроизводимые (или производимые) письмом и его средствами;
- знаниевые инструменты связывания, консистентизации и упорядочивания социального в разных его измерениях (практическом, коммуникативном, знаково-символическом и вещно-материальном);
- способы повседневной концептуализации и описания хронотопа;
- восприятие и (вос)производство доксихического (самоочевидного, естественного, реифицированного);
- маневрирование повседневного актора между различными протоколами (детально это понятие мы концептуализировали в [20]);
- коллективная фабрикация коллективности и индивидуальности;
- апелляции к непосредственному Другому и опосредованному Третьему и многое другое.

Именно таким многообразием тематик, проблематик и возможных направлений исследования объясняется тот факт, что собственное исследование мы осуществляли с применением множественных арсеналов и техник социологии знания, предполагающих как классические установки и аксиоматики социологии знания (М. Шелер, К. Маннгейм, Т. Лукман, П. Бергер, М. Малкей и др.), так и современные вариации (К. Кнорр-Цетина, П. Блур, П. Бурдье, Р. Коллинз, М. Фуко, Л. Тевено, Л. Болтански, П. Уинч, Ю. Эльстер, Дж. Сёрль и др.).

Опыт эпистемы эпистолы, осуществлённой нами в ходе авторского исследования в 2016-2017 годах на примере писем ряда представителей различных социокультурных и исторических знаниевых суперуниверсумов (О. де Бальзак, Т. Шевченко, А. Пушкин, А. Островский, Г. Мопассан, Ф. Достоевский, Ч. Диккенс), продемонстрировал, что письма могут быть успешно и эвристично проанализированы как знаниевые агрегаты, в которых имплицированы знаниевые универсумы и субуниверсумы, а также (до определённой степени) вышеупомянутые знаниевые суперуниверсумы.

В частности, нам удалось вычлениить, установить и описать следующие операции:

- операция установления (инсталляции, экспликации) протокола взаимодействия на уровне работы эпитетов или базовых категорий, систем статусов, на уровне синтаксиса и лексики, грамматики, апелляции к практикам, протокольных шаблонов, техник серьёзности / юмора, публичности / интимности, хронотопа, искренности / официальности, социальной ритуальности;
- структурирование знаниевого взаимодействия посредством апелляции к практикам, институтам, экспектациям, вещам, хронотопам, фрагментам знания в различных режимах - режимах хронологического структурирования, императивного структурирования, интернально-коммуникативном, интимности и официальности;
- (вос)производства неравенства в знаниевых упаковках;
- (ре)конституирования очевидностей (или доксы) (причём, как мы обнаружили, доксы контекст, система практик, система вещей, совместный опыт, история коммуникации, экспектации, стереотипы, ограничения, смысловые горизонты, системы ценностей, нормативности и правила, эмоциональные схемы, схемы восприятия и оценивания, сети знания и незнания);
- коммуникативных экономий (и, в частности, такие техники коммуникативных экономий, как уплотнение композиции знания, калейдоскоп фрагментов знания, непроговаривание, тематическое переключение, контекстуализация, апелляция к истории знаниевых фрагментов, устойчивые рутины);
- знаниевого приращения на базе уже имеющегося знания;
- агрегирования знания с практиками (что зачастую оперируется как перформативное агрегирование);
- фабрикация хронотопа;
- переключения между «градями справедливости» (в терминологии Л. Болтански и Л. Тевено [21]);
- дистанцирования и сближения, а если точнее, то знаниевого производства пространства вообще (и отдельно мы анализировали один из инструментов этого производства, а именно подпись);
- (про)дления социального знаниевыми инструментами;
- апелляции к Третьему;
- конструирования (со)участия.

Все эти (и не только эти) знаниевые операции мы обнаруживали как в сравнении различных

стилистических техник и социальных режимов эпистолярности, так и в сравнении социокультурно обусловленных практик написания и восприятия письма, так и, наконец, в сравнении текстов «интимной эпистолярности» в сравнении с текстами «публичной эпистолярности» (открытые письма, выступления, мемуары).

Основные методологические замечания и проблемы, которые при этом наблюдаются, мы бы подытожили в следующих заключениях.

Во-первых, исследование принципиально должно быть сравнительным. Сравнение может осуществляться хронологически, культурно, топически, однако оно должно осуществляться. Именно в сравнении писем как знаниевых агрегатов возникает возможность выделить, с одной стороны, типичное (как такое, что встречается независимо от хронотопа или социокультурных ограничений), с другой же – специфичное / уникальное, с третьей – тенденции, с четвертой – свойства.

Во-вторых, исследование не может ограничиваться каким-либо одним методом анализа текста. Более того, опробованные нами методы дискурс-анализа, качественного контент-анализа, grounded theory, этнографического анализа текста, конверсационного анализа, а также герменевтические приёмы давали свой результат только в сочетании и соотносённости друг с другом.

В-третьих, исследование писем с позиций социологии знания вынуждено концентрироваться не на исследовании содержания, а на исследовании структур и форм. Более того, осведомлённость (компетентность) в содержании писем может оказаться лишней и мешающей исследователю, тогда как восприятие текста письма исключительно как структурно детерминированной практики специфичного структурирования предварительно объективно структурированного материала помогает избежать подобной «методологической слепоты». В том числе и этим взгляд социолога на знаниевые агрегаты на примере писем отличается от взгляда историка, этнографа, филолога и т.д.

В-четвёртых, обнаруживаемые в знаниевых агрегатах закономерности и устойчивые связи (коммуникативного, практического, вещно-материального или знаково-символического порядка) далеко не всегда подлежат исчерпывающей и полной типологизации. Особенно это касается случаев применения техник case-study. Каждый знаниевый агрегат представляет собой специфичную композицию знаниевых фрагментов (суждений и категорий), которая далеко не обязательно будет включать в себя всю сумму технологий производства и воспроизводства универсума или универсумов, в которых спродуцирован анализируемый агрегат. Именно поэтому в случае с анализом знаниевых агрегатов (на примере писем) действует требование достижения насыщения.

В-пятых, при анализе знаниевых агрегатов оказывается существенным и важным обнаруженное нами разделение субстратов, на базе которых произведено знание. Иначе говоря, знаниевые фрагменты, на которые аналитически раскладывается знаниевый агрегат, могут быть произведены на субстратах практическом (что не синонимично, но неизбежно подразумевает «*деятельностное*»), коммуникативном, вещно-материальном, знаково-символическом. И хотя социология долгое время анализировала актора и его действие как нерасторжимое единство всех этих аспектов, вызов, брошенный социологии акторно-сетевой теорией, «прагматическим поворотом», функциональной прагматикой и «критикой и обоснованием справедливости», не мог остаться без ответа. С нашей точки зрения, таковым ответом может и должно быть исследование социального как ткани, конституированной полностью или преимущественно различными текстурами (как «специфичными ориентациями элементов, составляющих материал»), но при этом «встречающихся» в точке знания.

Таким образом, интерпретируя общество как возможность взаимодействия (каким бы это взаимодействие ни было и в каких бы формах ни представало, оно подразумевает прежде всего сотрудничество как согласование осуществляемой работы), в условиях гетерогенизации общества и тканей общественного, в условиях проблематизации общественного согласия и понимания, мы получаем совершенно новую оптику взгляда на эту возможность взаимодействия, конституированную различными знаниевыми текстурами – объективированными и инкорпорированными, институционализированными и проблематичными с точки зрения их статуса. При этом анализ знаниевых агрегатов с позиции их знаниевой структуры, соотносённости этой знаниевой структуры с субстратом знания, позволяет обнаружить и типологизировать способы, которым акторы осуществляют работу по производству и поддержке этих возможностей и шансов.

ЛИТЕРАТУРА: 1. Социология вещей. Сборник статей / под ред. В. В. Вахштайна. – М.: «Территория будущего», 2006. – 392 с. 2. Кнорр-Цетина К. Объектная социальность: общественные отношения в постсоциальных обществах знания // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2002. – Т. 5. – № 1. – с. 101-124. 3. Баскакова Ю. М. и др. Американские практики электорального прогнозирования. Доклад по результатам исследования. – М.: ВЦИОМ, 2016. – 40 с. 4. Кед А. П., Агаева П. М. Интернет-опрос как метод социологического исследования // Проблемы современной экономики. – 2015. – № 27. – С. 112-116. 5. Султанов Т. Р. Преимущества интернет-опросов и дальнейшие перспективы их применения // Молодёжь

третьего тысячелетия: сборник научных статей. – Омск, 2016. – с. 231-234. **6.** Борисенко Е. А., Голиков А. С. Интернет-конституирование социального: Ирвинг Гофман о знании между социальным Вторым и социальным Третьим // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Серія «Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи». Випуск 35. – Х.: Видавництво ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2015. – с. 18-26 **7.** Деррида Ж. Состояние постмодерна. – СПб., 1998. – 185 с. **8.** Джеймсон Ф. Постмодернизм, или логика культуры позднего капитализма // Философия эпохи постмодерна. – Минск, 1996. – 346 с. **9.** Липовецки Ж. Эра пустоты. Очерки современного индивидуализма. – СПб.: Владимир Даль, 2001. – 332 с. **10.** Шестаков В. П. Мифология XX века. Критика теории и практики буржуазной «массовой культуры». – М.: Политиздат, 1988. – 413 с. **11.** Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. – Екатеринбург, 2000. – 167 с. **12.** Пэнто Л. Докса интеллектуала // Socio-Logos'96. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии Российской Академии наук. – М.: Socio-Logos, 1996. – С. 32-38. **13.** Зубарев А. Возможности и перспективы использования концепции М. Бахтина в социологической интерпретации жизненного мира / А. Зубарев // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2014. – № (19). – С.102-109. **14.** Ганжа А. О., Зотов А. А. Гуманистическая социология Флориана Знанецкого // Социологические исследования. – 2002. – № 3. – с. 112-120. **15.** Гоманюк Н.А. Социально-антропологическая специфика частной эпистолы / Н.А. Гоманюк // Габітус. – 2016. – Вип. 1. – С. 16-20. **16.** Козлова Н., Сандомирская И. «Наивное письмо» и производители нормы // Вопросы социологии. – 1996. – № 7. – с. 152-186. **17.** Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по феноменологической социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с. **18.** Вахштайн В. Социология повседневности и теория фреймов. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. – 334 с. **19.** Вахштайн В.С. Драматургическая теория Ирвинга Гофмана: два прочтения // Социологическое обозрение. – 2003. – Т. 3. – № 4. – с. 104-118. **20.** Голиков А.С. Изменяемое и неизменяемое в социальном: к понятию протокола (по результатам качественного исследования) // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Серія «Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи». – Вип. 38. – 2017. – с. 13-19. **21.** Болтански, Л., Тевено, Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов / Люк Болтански, Лоран Тевено; пер. с фр. О. В. Ковенево; науч. ред. перевода Н. Е. Копосов. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 576 с.